

АЛАНЫ: МИРАЖ КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ

С.М. Перевалов*

С.М. Перевалов

Аннотация. Статья посвящена критическому разбору концепции аланской кочевой империи путем сверки со свидетельствами письменных источников. По мнению автора, у аланов первых двух веков н. э. отсутствовали такие основные признаки империи, как: а) сплошная территория; б) верховная царская власть; в) скоординированная военная политика; г) высокий международный престиж. Вероятным способом политической организации у аланов была конфедерация.

Ключевые слова: аланы, сарматская археологическая культура, кочевая империя, международные отношения I–II вв. н. э., античные письменные источники.

Аланы древности – сюжет трудноуловимый и трудноопределимый, несмотря на пристальный интерес к нему со стороны специалистов. Одним из самых неясных является вопрос о политической организации аланских племен. Туман здесь начинается с самого начала аланской истории на рубеже нашей эры. В последнее время встречаются попытки выдвинуть идею, что аланское объединение первых веков нашей эры подпадает под определение «кочевой империи». При некоторой притягательности, заключающейся в возможности представить аланскую историю в контексте более или менее устоявшихся понятий, сам вывод создает впечатление умозрительной конструкции, скорее символической, чем основанной на надежных, прошедших критическую проверку, данных. Наибольшее понимание идея существования аланской кочевой империи находит у археологов, что вполне объяснимо: им необходимо осмыслить растущий от сезона к сезону материал по средне- и позднесарматской культуре в категориях исторической науки. Известно, однако,

Рис. 1. Н.Н. Крадин на XXIII Пашутинских чтениях. 2011 г.

что археология и история говорят на разных языках и перевод с одного на другой не всегда бывает верным [28, р. 4]. Цель настоящей статьи – провести проверку концепции кочевой империи через сопоставление со свидетельствами, поставляемыми

письменными (историческими в тесном смысле слова) источниками.

«Кочевая империя» – понятие многофакторное, для нас важно отметить его структурообразующие элементы. Теоретик кочевниковедения Н.Н. Крадин [12, с. 314, 316] отталкивается от двух общих признаков любых империй: 1) большая территория и 2) наличие «метрополии» (ядра) и зависимых или колониальных владений (периферии). Кочевнические империи Крадин относит к категории ранних, или «варварских», в которых кочевая «метрополия» отстает в социально-экономическом развитии от земледельческой периферии, эксплуатируя ее, благодаря военному превосходству, «внешним», внеэкономическим и насильственным путем (грабежи, войны, контрибуции, вымогание «подарков», неэквивалентная торговля, данничество и т. п.). Он выделяет три «модели» кочевых империй: 1) типичную, при которой кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии и кочевники получают прибавочный продукт посредством т. н. «дистанционной» эксплуатации (набеги, вымогание «подарков»); 2) данническую, при которой земледельцы находятся в постоянной зависимости, выплачивая дань; 3) завоевательные, сопровождаемые переселением кочевников на земледельческие территории, население которых облагается налогами. В реальной истории эти модели могут встречаться в виде различных комбинаций.

Аланы появляются на страницах истории на рубеже нашей эры, и внезапное их возвышение среди других сарматских (и не только) племенных групп побуждает некоторых исследователей связывать этот факт с возникновением нового политического объединения типа кочевой империи. Существование таковой империи у аланов в I–II вв. н. э. с центром на Нижнем Дону, на стадии перехода от даннического типа к завоевательному, признает С.А. Яценко [27, с. 306], при этом он не включает в нее Аланию центрально-

* Перевалов Сергей Михайлович – к. и. н., независимый исследователь (<https://independent.academia.edu/SergejPerevalov/>.)

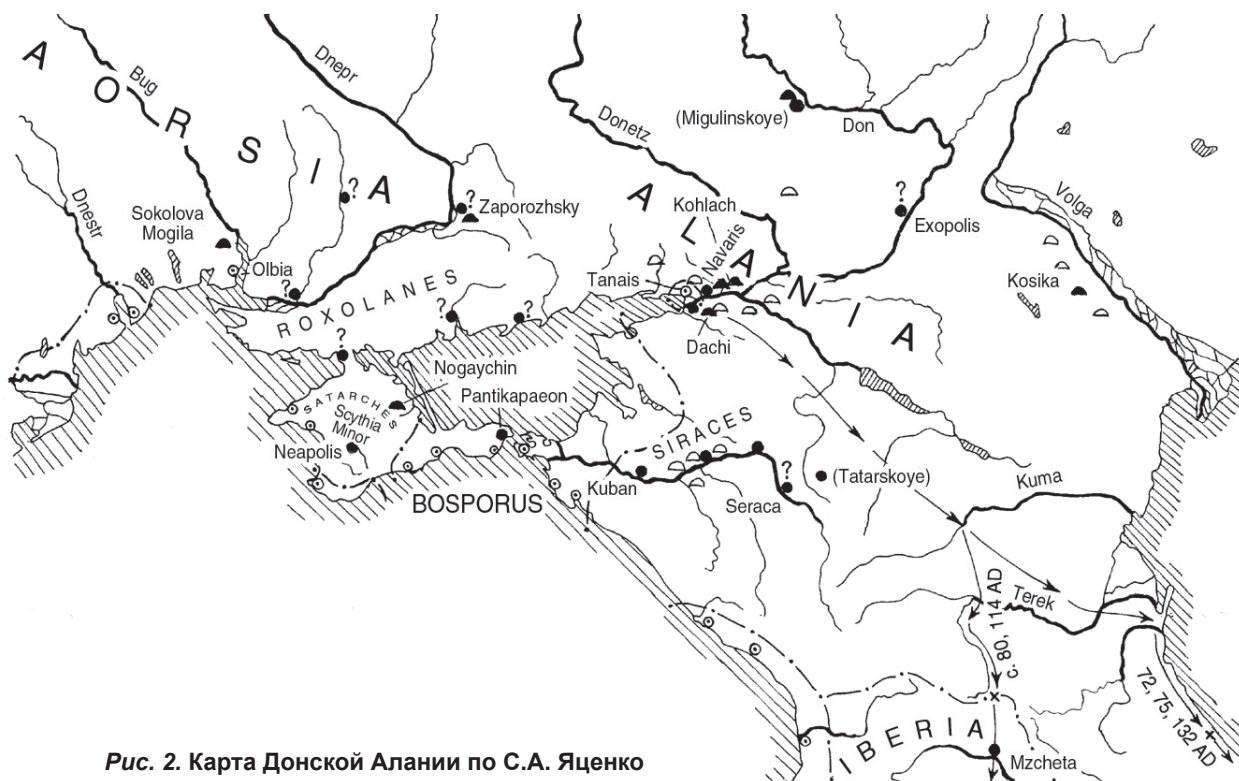

Рис. 2. Карта Донской Алании по С.А. Яценко

кавказскую и выделяет разные волны аланского притока с востока, с казахстанских степей. С ним солидаризируется Е.В. Вдовченков, выделяя следующие признаки аланской кочевой империи [5, с. 29; 6, с. 51]:

- общая территория с включением «зависимой оседлой периферии, подвергаемой экзосплуатации (население донской лесостепи, нижнедонские и кубанские городища, отчасти Боспор и т. п.)» (1);

- «наличие царского рода Аравелианов и влиятельной аристократии» (2);

- «исключительно активная военная деятельность, организация масштабных акций в Подунавье, Закавказье, Северо-Западном Иране» (3);

- «признание соседями высокого статуса Алании (династические браки с царями Армении)» (4).

Насколько правомерно выделение этих признаков? Вещественные источники, в силу своей специфики, не могут содержать интересующую нас информацию исторического характера о границах территории, царской династии, целенаправленных военных акциях, международном престиже Алании. Обращаться нужно к источникам письменным (нарративным и эпиграфическим). Проследуем по выделенным выше четырем пунктам.

1. Первый признак кочевой империи – наличие значительной территории. По С.А. Яценко, нижнедонская Алания, просуществовавшая

сравнительно недолго – до сер. II в. н. э., вместе с периферией (не обязательно с аланским населением) захватывает области от верховьев Дона до низовий Волги, устья Днепра, северного Крыма и Центрального Прикавказья [27, с. 284–289].

Гораздо масштабнее мыслит Н.Н. Лысенко, в представлении которого пространство «северной арийской (аланской. – С.Л.) империи» совпадает как минимум с границами позднесарматской археологической культуры – от оз. Балхаш на востоке до среднего Дуная на западе. Единство материальной культуры, по мнению Н.Н. Лысенко (и в противовес мнению С.А. Яценко, подчеркивающего разнородность аланских племен), имеет под собой этнополитическую основу: «Невозможно представить, что подобная культура могла возникнуть на основе взаимовлияния гетерогенных этносов. Только предположение о наличии тесных и все более укрепляющихся социально-политических связей между различными субэтносами единого аланского социума позволяет понять природу возникновения позднесарматского феномена» [15, с. 143].

Археология позднесарматских древностей, действительно, охватывает большие пространства Восточной Европы, Урала и Северного Казахстана. Однако у нас нет оснований говорить о сколько-нибудь значительной *сплошной* территории, занимаемой аланами в I–II вв. н. э. Наши источники фиксируют аланов, располагающихся *дисперсно* в разных местах евразийского пространства. Можно вы-

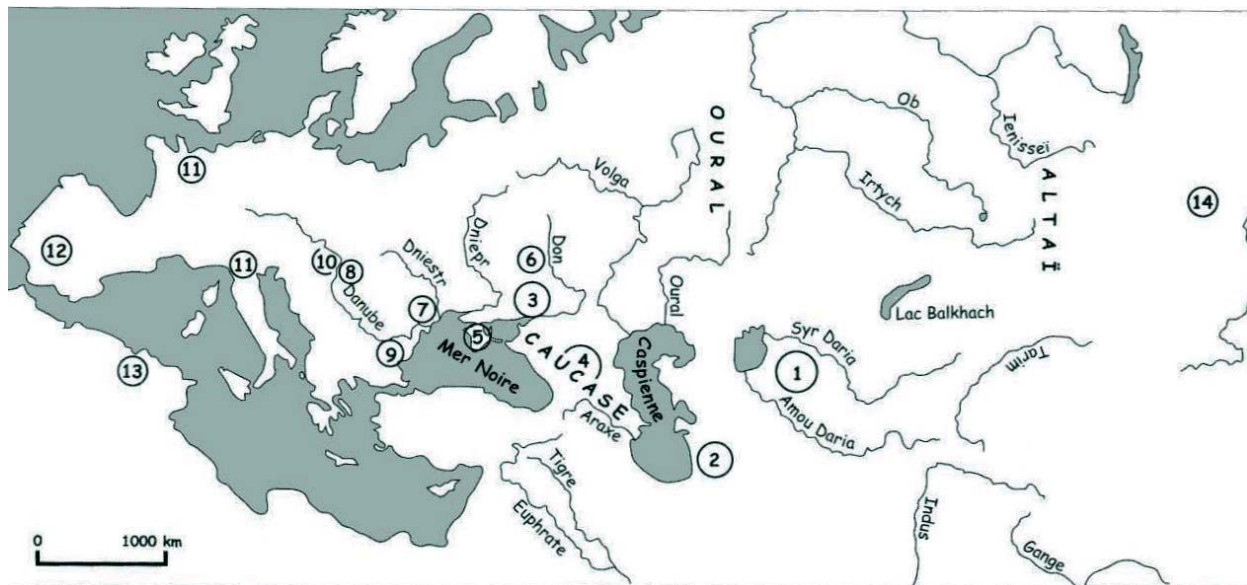

Рис. 3. Сармато-аланская этносфера (в границах «северной арийской империи» I–сер. IV вв. н. э.) по Н.Н. Лысенко

делить следующие отдельные группы аланов:

(1). Приаральская, предположительно между реками Сыр-Дарья и Аму-Дарья. Самая западная область, населенная аланами, входила в сферу влияния Китая эпохи Поздней (Западной) Хань. Китайская династическая хроника «Хоу хань-шу» (гл. 78, 16b) упоминает, что между 25 и 55 г. н. э. кочевое владение Яньцай, расположенное в 2 000 ли (800–1 000 км) к северо-западу от более известного царства Кангюй («Ши цзы», 123), изменило свое название на Алань-ляо (или, что, видимо, правильнее: Алань в хронике «Вэйлюэ»). С конца XIX века комментаторы этого места стали связывать имя Алань с европейскими аланами. А. Алемань, весьма осторожно подходящий к проблеме «сравнительной этнонимии Евразийских степей», тем не менее полагает, что «второе имя Яньцай, Алань[ляо], по нашему мнению, является единственным из упоминаемых китайскими источниками эпохи Хань, которое с определенным правдоподобием может быть отнесено к аланам» [4, с. 516]. Вопрос о локализации Яньцай/Алании спорен. В описании Сыма Цяня («Ши цзы») упоминается, что Яньцай граничит с «Великим озером» с отлогими берегами, что наводит на мысль о Каспийском или, скорее, Аральском море [24, с. 36; 32, р. 36], хотя твердой уверенности в этом нет. Помимо Алании/Яньцай, но с меньшей вероятностью, к племенам аланского круга относят усуней (лат. Asiani) [4, с. 511–513]. Не касаясь отдельного вопроса о возможно аланском населении Кангюя (Канцзюя), ставшего сильным

зийских степей», тем не менее полагает, что «второе имя Яньцай, Алань[ляо], по нашему мнению, является единственным из упоминаемых китайскими источниками эпохи Хань, которое с определенным правдоподобием может быть отнесено к аланам» [4, с. 516]. Вопрос о локализации Яньцай/Алании спорен. В описании Сыма Цяня («Ши цзы») упоминается, что Яньцай граничит с «Великим озером» с отлогими берегами, что наводит на мысль о Каспийском или, скорее, Аральском море [24, с. 36; 32, р. 36], хотя твердой уверенности в этом нет. Помимо Алании/Яньцай, но с меньшей вероятностью, к племенам аланского круга относят усуней (лат. Asiani) [4, с. 511–513]. Не касаясь отдельного вопроса о возможно аланском населении Кангюя (Канцзюя), ставшего сильным

LES ALAINS DANS L'ANCIEN MONDE
Ier-XVe SIÈCLES

Рис. 4. Аланы древности и раннего средневековья I–IX вв.
(по: [32, р. 9], в комментариях некоторые уточнения)

1 – приаральские аланы; 2 – туркменское племя олам; 3 – приазовские аланы и аланы-танаиты; 4 – кавказские аланы; 5 – крымские аланы; 6 – донские аланы; 7 – приднубайские аланы

государством задолго до возвышения аланов.

Указания китайских источников отчасти коррелируют с античными, согласно которым первые аланы вышли именно из закаспийских областей, населенных североиранскими племенами. Дион Кассий (Dio Cass. 69.15) в описании набега 136 г. н. э. называет аланов *массагетами*. Ту же характеристику дает Аммиан Марцеллин: *Massagetar, quos Alanos nunc appellamus* – «массагеты, которые ныне зовутся аланами» (Amm. Marc. 23.5.16); (Halani) veteres Massagetar – «(аланы) – древние массагеты» (31.2.12). О массагетах, как «скифском» народе Центральной Азии, писал еще Геродот (Hdt. 1.201 sq.), позднее их потомки перебрались на Кавказ, где, по-видимому, дали начало племени *маскутов*.

(2). Свидетельства пребывания древних аланов встречаются на территории нынешнего Туркестана. А. Бахтияров в статье 1930 г. собрал информацию об этнографических тюркоязычных группах *олам* (подгруппа племени салыр) и *улан*, отличных от окружающих племен и имеющих ряд обычаев, сближающих их с кавказскими осетинами [101, с. 58–59; 4, с. 31. Прим. 17; 22]. Всего туркестанских аланов насчитывалось до 1 500 семей, местом их обитания был полуостров Мангышлак (Мангистау, каз. Маңғыстау) на Каспийском море. Кроме того, в области бывшего древнего Хорезма встречаются названия, содержащие аланское имя: *Алан-кала* (Аланская крепость), урочище *Кырк-Алан* (сорок алан), канал

Алан-яб на правом и левом берегах Аму-Дарьи. Возможно, начальная стадия этногенеза олан-улам-аланов восходит к началу нашей эры, ко времени появления первых ираноязычных аланов на исторической арене. Такой вывод делает Б.А. Калоев: «В истории Средней Азии мы находим и «страну аланов». Она появилась в I в. н. э. и располагалась в закаспийских и приаральских степях, т. е. на пути движения предков осетин в южные равнины России и на Северный Кавказ» [11, с. 59]. Впоследствии центральноазиатские аланы были тюркизированы: сведения о их тюркоязычии приводит Ал-Бируни (конец X – начало XI вв.) [32, р. 46].

(3). Аланы приазовские (нижнедонские), участники рейда 72 г. н. э. на Мидию и Армению. Наш источник, Иосиф Флавий (Jos. Fl. BJ 7.7.4),

阿蘭 阿蘭聊

奄蔡 烏孫

Рис. 5. Китайские названия (слева направо):
вверху – Алань, Аланьялю;
внизу – Янцай, Усунь.

пишет о них: «Племя аланов суть скифы, обитающие вокруг Танаиса (Дона) и Меотидского озера (Азовское море)». Маршрут набега проходил через Гирканию, страну на юге Каспийского моря, где располагались т. н. «железные ворота» Александра Македонского, или Каспийские ворота. Видимо, аланам на своем пути пришлось обогнуть с севера Каспийское море, и в таком случае они двигались по территории, где обитали их закаспийские сородичи, с которыми поддерживались постоянные контакты [31, р. 223. п. 24]. Как сказано, С.А. Яценко считает нижнедонских аланов центром крупной кочевой империи, но надежные сведения о распространении именно их власти на соседние территории отсутствуют.

(4). Кавказские аланы. С этой группой связан первый из известных аланских походов в Закавказье в ходе борьбы за армянский престол 35 г. н. э. между претендентами с римской и парфянской сторон. Иосиф Флавий пишет (Jos. Fl. AJ 18.97), что после уклонения царей иберов и албанов, союзников Рима, от обязательства выступить против парфян они (по смыслу – иберы) пропустили через «Каспийские ворота» Кавказа (т. е. Дарьял) аланов, которые и очистили страну от парфян. Тацит в описании тех же событий приводит дополнительные подробности и называет аланов более широким термином «сарматы» (Tac. Ann. 6.33). Спустя сто лет, в 136 г. н. э., аланы, также при содействии царя иберов Фарасмана, совершили набег на Албанию и Мидию, достигнув Армении и Каппадокии, где вынуждены были отступить под натиском войск каппадокийского легата Флавия Арриана (Dio Cass. 69.15.1) [19]. Судя по тому, что при преследовании аланов римлянам пришлось пересекать Каспийские (Дарьяльские) ворота (Them. Or. 34.8), территория обитания этих аланов находилась к северу от Дарьяла, получившего наименование «Аланских ворот» уже в надписи Шапура I Сасанида ок. 262 г. (Res Gestae Divi Saporis) [4, с. 447]. Возможным свидетельством постоянного пребывания здесь значительной группы аланов является Армазская билингва (сер. II в. н. э.) с упоминанием «великих побед» иберийского пиахша Иодмангана над неназванным противником (аланами?) [4, с. 443, 477–478] и надпись «Бакур-алан» (нач. III в. н. э.?), происходящая из Жинвальского могильника в Иберии. Кроме дарьяльской, существовала, как минимум, еще одна северо-кавказская группировка: по сведениям Тацита, в тот же год (35 г. н. э.), когда аланские союзники иберов двигались Дарьяльским путем, другие «сарматы» (аланы?) безуспешно пытались преодолеть Дербентский проход для оказания помощи парфянам (Tac. Ann. 6.33). Относить ли к северокавказским аланам 136 года «мятежников» (не названных по этносу), во главе

с неким Кизо атаковавших приблизительно в это время парфян в районе Курдистана, как о том сообщает «Арбельская хроника» на сирийском языке, твердо сказать нельзя, хотя А. Алемань склоняется к этому [4, с. 501].

(5). Крымские аланы. Найденная в 1985 году в Керчи погребальная надпись в честь какого-то боспорского сановника [9] содержит указания на присутствие в районе крымского Херсонеса группы аланов под предводительством царей-басилеев (сткк. 10, 16–17), с которыми боспорские власти пытались заключить военный союз. В зависимости от идентификации упоминаемого в надписи царя Савромата, возможны две датировки: 1) правлением Савромата I (93–123 гг.) [20, с. 48], или 2) Савромата II (173/4–210/1 гг.), но еще до смерти римского императора Комода (180–193 гг.) [30; 26, с. 319]. Вероятность появления аланов в Крыму уже в I в. н. э. велика, но и в случае более поздней даты – II века интересный материал, содержащийся в надписи, укладывается в тематику и временные рамки статьи. Археологи датируют самые ранние аланские находки в Крыму не ранее III в. н. э. [23, с. 72–75; 3, с. 12, карта], и здесь перед нами встает старый вопрос корреляции данных археологических и письменных источников [28].

(6). Аланы-танаиты («дончане»). Обычно под танаитами понимается варварская (наряду с эллинской) община греческого города Танаис в устье Дона, основной материал для изучения которой составляет ономастика [7]. Поскольку варварское окружение Танаиса состояло из ираноязычных (скифы, сарматы, аланы) племен, они, предполагается, и формировали городскую «диаспору» танаитов. Время появления танаитской общины не может быть определено с достаточной надежностью, датировки колеблются от основания города, т. е. III в. до н. э., до II в. н. э., когда был отмечен взрывной рост числа иранских имен среди горожан. Однако нельзя ограничиваться только танаитами городской общины. Про племя «аланов, которые обыкновенно называются танаитами» (Halanorum ... quos ... Tanaitas consuetudo nominavit), без связи с городом, сообщает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. 31.3.1, пер. здесь и далее – Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Сообщение относится к эпохе гуннского нашествия (370-е гг.), но есть и более ранние сведения. О танаитах писал Плиний (NH. 6.22), танаиты у излучины Дона известны Птолемию (3.5.10 Nobbe), писавшему в первой половине II в. н. э., но с опорой на более ранние источники. На территории к северу от Меотиды тот же Птолемей (Ptol. Geogr. 3.5.15, 5.19 Nobbe) размещает другие группы аланов и аланов-скифов, а также топоним *Ала(в)н-гора* (Аланские горы у Ю.А. Кулаковского), про которые трудно сказать

что-то более определенно [13, с. 255, 257, карта: следует учесть, что для первых трех книг Птолемея Ю.А. Кулаковский использовал издание К. Мюллера; 4, 148–149]. Видимо, аланов, обитающих близ Алан-горы, упоминает в своем перечне народов Дионисий Периегет (Dion. Perieg. 305) ок. 124 г. н. э. [4, с. 306].

(7). Аланы придунайские. Впервые упомянуты в мифологическом контексте Сенекой (Thyest. 629–630) в середине I в. н. э.: «(река) Истр, допускающий бегство диким аланам» – an feris Hister fugam praebens Alanis (ср. у Лукана: «не связывает массагета скифский Истр» – Massageten Scythicus non adliget Hister – Luc. Phars. 2.50). Необязательно делать из этого вывод, как Ю.А. Кулаковский, что «Сенека называет алан как врагов Империи на нижнем Дунае» [13, с. 58], но само по себе размещение в этой области частично подтверждается именем коня Адриана *Борисфеном Алан* (Alanus: CIL. XII. 122), доставшемся императору, по вероятному предположению Э. Берли, в ходе посещения им дунайских провинций империи зимой 118 / 119 г. н. э. [29, р. 86].

Исторические источники содержат сведения о ранних аланах и в других местах, которые я пропускаю из-за неясного или неисторического контекста. К таковым, например, относятся упоминания об аланах Закавказья у Лукана (Phars. 8.223) (С.А. Яценко почему-то причисляет их к донским аланам: [25, с. 291]) и Валерия Флакка (Argon. 6.42), или появление аланов в художественной новелле Лукиана (Luc. Tox. 51). Не касаюсь также темы роксоланов (но не роксаланов) как самостоятельной ветви сарматских народов. Интригующими, но чисто гипотетическими выглядят попытки найти следы аланов в далекой Сибири, на Енисее [16–18]. Вывод, который напрашивается в результате всего обзора, сводится к тому, что аланы не составляли компактного единства, не занимали сплошную территорию «от Арала до Дуная», а располагались разрозненными и автономными группами в разных местах евразийского континента. Об этом ясно сказано у того же Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. 31.2. 16–17): «Аланы, рассеявшиеся среди многолюдных и великих народов (diffusi per populosas gentes et amplas), обращенных к азиатским областям [...] Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен (quorum gentes varias nunc recensere), перечислять которые я не считаю нужным [...] они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии (dirempti spatiis longis)».

2. Помимо территориальной раздробленности аланов, мы отмечаем и раздробленность политическую. Предположение, что перечис-

ленные группы аланов, или хотя бы часть (те же донские), входили в крупное централизованное объединение типа империи с верховной царской властью, не находит подтверждения в источниках. Неясное свидетельство о «наличии царского рода Аврелианов» практически ничего не доказывает. Сообщение Мовсеса Хоренаци (2.58) следующее: «В дни Арташеса, Аравелеаны, из народа аланов – родственники [царевны] Сатиник, которые пришли с ней – были утверждены в родословии и княжеском достоинстве страны Армянской, как родня великой царицы» (цит. по: [4, с. 379]. Аравелианы – армянский аристократический род, имя, производное от армянского (а не алано-иранского) патронимика *Aravel-ean* [4, с. 389], сообщение об аланском происхождении встречается, как кажется, только в «Истории» Мовсеса Хоренаци, позднего (V в. н. э. или позже) и ненадежного источника. Сюжет, где фигурирует Сатиник и ее родня, даже если видеть в нем отражение исторических реалий (что затруднительно), должно относиться не к нижнедонским аланам (как полагает С.А. Яценко: [27, с. 294]), а к северокавказским или даже к кавказским албанам [2, с. 173]. К такого рода свидетельствам древнеармянских авторов, как и сообщениям грузинского свода «Картлис Цховреба» об овских (ср. аланских) правителях братьях-голиафах Базуке и Анбазуке, надлежит относиться с необходимой долей скепсиса, учитывая особенности составления таких, достаточно поздних памятников, на которые указывают специалисты. Классик армянского литературоведения академик М. Абемян так оценивает древнеармянскую историографию: «Всю историю Армении, вплоть до конца IV века, следует писать сызнова. Все, что касается политических событий, должно быть написано на основе внешних источников, а «История» Хоренаци при этом может быть использована как второстепенный, третьестепенный источник» [1, с. 157]. На грузинском материале ему вторит Н.Ю. Ломоури: «Именно принимая во внимание позднее время их создания, разнородность используемых ими источников, среди которых несомненно значительное место занимали явно легендарные сведения и устные предания, наше плохое знакомство со степенью достоверности этих источников, мы считаем, что опираться целиком и полностью на сведения этих летописей без контрольного материала будет методологически неверным» [14, с. 56–57].

Надежный, хотя и нелегко трактуемый, «контрольный материал» поставляют античные источники. Они подтверждают то впечатление, которое создается по прочтению закавказских исторических документов: власть и полномочия аланских предводителей были ограничены и не соответствовали царским (монархическим).

Каждая из перечисленных выше аланских групп управлялась собственными местными вождями, не подчиненными центральной власти. Алано-сарматы 35 года, обе их группировки – дарьяльская и дербентская, управлялись каждая своим *скептухом* (*sceptuchi* – «скиптродержцы», гомеровское слово, не предполагающее единовластия *басилеев*), хотя располагались недалеко друг от друга. По словам Тацита, *скептухи* сарматов «приняв дары от обеих сторон (иберов и парфян), по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой» (Тас. Анн. 6.33). Решение о военном союзе у крымских аланов, упомянутых в Керченской надписи [9], принимала корпорация *басилеев* (сткк. 10 и 16–17 надписи, ср. множественное число «величайших *басилеев* Аорсии» в Мангупской надписи (сткк. 22–23) сер. I в. н. э. [8, с. 167; 22, с. 36–37]): никакой зависимости от возможного имперского центра на Нижнем Дону не просматривается. О выборных правителях (во множественном числе) аланов с ограниченной властью (*iudices*) пишет историк IV в. Аммиан Марцеллин: «Все они (аланы. – **С.П.**) благородного происхождения (*omnes generoso*), а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах (*iudicesque etiam nunc eligunt diuturno bellandi usu spectatos*)» (31.2.25). «Благородное происхождение» всех аланов ставит под вопрос «наличие влиятельной аристократии» – указанной Е.В. Вдовченковым опоры имперской власти, а именование военных предводителей судебным титулом (*iudex*) находит параллель в «Аланском послании Феодора» XIII века, где также упоминаются какие-то аланские «судьи» (Al. 11: κριταί), хотя и в малопонятном контексте [13, с. 207; 4, с. 75]. Выборность аланских вождей (*басилеев*, *скептухов*, «судей»), как и военный (но не монархический) характер их власти, подтверждается сюжетом фантастического романа Ямвлиха II в. н. э. «Вавилониака», где *басилеем* наемного «войска аланов» становится даже не аланин по происхождению, а местный житель (Сорех), склонивший аланов на свою сторону демонстрацией хитрых трюков, позволивших ему обнаружить клад при благорасположении богов (Iambl. 21, Nabrich).

3. Не следует преувеличивать масштабность военных предприятий аланов и связывать их непременно с организующей «политической волей» имперского центра. Мелкие набеги на южных соседей с целью захвата добычи, чередующиеся с союзническими отношениями, были повседневной практикой у северокавказских кочевников задолго до прихода аланов (Strabo 11.4.5. P. 502), а на Кавказе «набеговая система» (см. работы М.М. Блиева) действовала еще в XIX веке, без

всяких кочевых империй. Союзнические (не всегда равноправные) отношения сарматов и аланов с государственными образованиями Северного Причерноморья (Боспор, Херсонес, Ольвия) и Кавказа (Иберия, Албания), как правило, заключались по инициативе оседлых обществ, как это следует из анализа сообщения Страбона (11.4.5. P. 502), мангупской и керченской надписей (см. выше). Более крупные многодневные походы в сторону Парфии в 35, 72, 136 гг. вызывались не потребностями имперской экспансии, а были инициированы государствами, преследующими свои политические интересы: в 35 и 136 годах это была Иберия, в 72 году – Гиркания. При этом, если придерживаться текста античных источников, в разных походах участвовали разные группы аланов: в 35 и 136 г. – центральнокавказские, 72 г. – донские. Описания походов аланов в армянских и грузинских хрониках следует отнести к числу недостоверных в силу ненадежности источников (см. выше) (так и у А. Алеманя: [4, с. 558–560]). Тем более нет оснований искать следы реальных исторических событий в нартовском эпосе осетин. В целом единой, последовательной и самостоятельной завоевательной имперской политики у аланов I–II вв. н. э. не прослеживается.

4. Связанный с вопросом о наличии верховной царской власти в аланской империи, тезис о «высоком статусе Алании» в международных отношениях также не доказан. Пример «династического брака» Арташеса и Сатиник, лишённого исторической достоверности, скорее говорит об обратном. Тот самый вычисленный некоторыми исследователями «царский род Аравелианы» (слишком далеко идущая трактовка текста источника), как видим из описания Мовсеса Хоренаци, после замужества Сатиник легко согласился на переезд в Армению и на изменение «аланского царского статуса» на «армянский аристократический»: финал, не оправдывающий высокую оценку «престижности» статуса аланской царской династии, как бы мы не относились к историчности предания. Вряд ли оно могло быть (даже в переработанном виде) связано с аланским набегом 72 г. н. э., о котором сообщает Иосиф Флавий (BJ 7.244–251): и армянским престолом тогда владел не Арташес, а Тиридат, и донские аланы никак не могли быть соседями армян, чтобы осуществилась та интригующая история сватовства и свадьбы Арташеса с «прекрасноглазой дочерью аланов», которую передает Мовсес Хоренаци (2.50). Описание самих аланов у Иосифа в «Иудейской войне» (7.7.4) и его латинского транслятора (IV в. н.э.) Гегесиппа (см. [4, с. 42]) не содержит никаких признаков «высокого международного престижа» аланско-

го племени, наоборот: выставляет их типичными грабителями и варварами, склонными к грабежу и насилию. Беря шире, мы не знаем ни деталей международных договоров, в которых участвовали аланы (если они существовали), ни того, какое место занимали аланы в системе международных отношений первых двух веков н. э. Примечательно также, что в источниках I–II вв. н. э., за исключением малодостоверных закавказских, практически не встречаются имена аланских предводителей (Кизо с его неясным статусом в сирийской хронике Мешихазехи – редкое исключение), что представляет разительный контраст с царями (βασιλεῖς, reges) других сарматских племен: сираков (Абеак, Зорсин), аорсов (Спадин, Евнон, Умабий, Фарзой, Инисмей), роксоланов (Тасий, Суаг, Распараган). Вряд ли

это случайность. Я склонен объяснять такой контраст неразвитостью института царской власти у аланов этого времени.

Таким образом, существование кочевой аланской империи в I–II века н. э. не подтверждается материалом наших источников. Естественен вопрос, что можно выдвинуть взамен этой концепции. Аланы древности, при всей их разрозненности, явно сохраняли связи между собой и рассматривались как один и тот же народ. Полагаю (в качестве посылки), что альтернативой «имперскости» могла бы стать концепция аланской конфедерации [4, с. 31], но над ее обоснованием историкам еще придется немало потрудиться. На сегодняшний день эта версия является даже не гипотезой, а только предположением.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абегян М.** История древнеармянской литературы. Т. I. – Ереван, 1975. 608 с.
2. **Абрамова М.П.** Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). – М., 1993. 240 с.
3. **Айбабин А.И.** Крым в середине III–начале VI века (период миграций) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 10–26.
4. **Алемань А.** Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003. 608 с.
5. **Вдовченко Е.В.** Алания I – первой половины II в. н. э. – вождество, кочевая империя, раннее государство? // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2011. Мат. конф. – М., 2011. С. 26–31.
6. **Вдовченко Е.В.** Историкогеография социальных исследований сарматов // Известия вузов Северо-Кавказского региона. Общ. науки. 2011. № 5. С. 47–52.
7. **Вдовченко Е.В.** Кем были танаиты (к вопросу об этнической принадлежности нового населения Танаиса II–III вв. н. э.) // Вестник Танаиса. Выпуск 3. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис», 2012 г. С. 163–171.
8. **Виноградов Ю.Г.** Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // Вестник древней истории (ВДИ). 1994. № 2. С. 151–170.
9. **Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А.** Laudatio Funeris из Пантикалея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44.
10. **Дюмезиль Ж.** Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. 276 с.
11. **Калоев Б.А.** Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией // Б.А. Калоев. Осетинские историко-этнографические этюды. – М., 1999. С. 56–78.
12. **Крадин Н.Н.** Кочевники, мир-империя и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротяева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. – М., 2000. С. 314–336.
13. **Кулаковский Ю.А.** Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. стп., коммент., карта: С.М. Перевалов. – СПб., 2000. 318 с.
14. **Ломоури Н.Ю.** К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. – Тб., 1985.
15. **Лысенко Н.Н.** Аланы против великих империй: Северные арийцы в системе геополитического противостояния Парфия – Рим. – СПб., 2009. 416 с.
16. **Малолетко А.В.** Аланы в Сибири? // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1992. Ч. 1. С. 85–87.
17. **Малолетко А.В.** Аланы в Сибири // Исторический источник: человек и пространство: тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1997.
18. **Малолетко А.В.** Аланы на Енисее // Красноярский рабочий. 2006. 11 марта. С. 5.
19. **Перевалов С.М.** Аланский набег 136 г. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары. – М.: Наука, 2006. С. 318–335.
20. **Сапрыкин С.Ю.** Энкомий из Пантикалея и положение Боспорского царства в конце I–начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.
21. **Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н.** ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикалея: Домициан или Коммод? (К вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца) // ВДИ. 2012 № 1. С. 163–181.
22. **Сидоренко В.А.** Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Манеупом // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 35–59.
23. **Храпунов И.Н.** Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. – Симферополь, 1995. 83 с.
24. **Цуцеев А.А.** Известия китайских письменных источников по ранней истории алан // Аланы: история и культура. – Владикавказ, 1995. С. 34–35.
25. **Цуцеев А.А.** О статье А. Бахтиярова «Осколки «исчезнувших» аланов // Ритмы истории: Сб. науч. тр. – Владикавказ, 2004. Вып. 2.2. С. 65–73.
26. **Яйленко В.П.** Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. – М., 2010. 740 с.
27. **Яценко С.А.** Донская Алания как кочевая империя (I в. – сер. II в. н. э.) // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ, 2008. Кн. 3. С. 281–310.
28. **Aleman I., Arzhantseva I.** Alanica Bilingua: Sources vs. Archaeology. The Case of East and West Alania // Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. International & Interdisciplinary Conference [Abstracts]. Autonomous University of Barcelona, 7–10 May 2007. P. 4.
29. **Birley A.R.** Hadrian: the restless emperor. – L.; N.Y., 1999. 400 p.
30. **Bowersock G.W., Jones C.P.** A New Inscription from Panticapaum // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 156. 2006. – P. 117–128.
31. **Bosworth A.B.** Arrian and the Alani // Harvard Studies in Classical Philology (HSCP). 1977. 81. – P. 217–255.
32. **Kouznetsov V., Lebedynsky I.** Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase Ier–XVe siècles apr. J.–C. – Paris, 2005. 284 p.

THE ALANS: A MIRAGE OF NOMADIC EMPIRE

Perevalov S.M.

Ph.D., Independent Researcher, Vladikavkaz (<https://independent.academia.edu/SergejPerevalov>.)

Abstract. The article is devoted to critical analysis of the concept of Alanic nomadic history by checking with the evidence of written sources. According to the author, in the I–II centuries AD the Alans had not such principle features of empire as: a) a great continuous territory; b) the supreme royal power; c) coordinated military policy; g) a high international prestige. Intended mode of political organization among the Alans was confederation.

Keywords: Alans, Sarmatian archaeological culture, nomadic empire, international relations I–II centuries A.D, ancient sources.